

УДК 821.161.1.Бунин

О.А. Сетько,
аспирант кафедри руської літератури
БГУ

ОБРАЗЫ ПОЛЯКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ И. БУНИНА

Признанным классиком русской литературы И. Бунин стал еще при жизни. Масштаб творческого дарования, динамика художественного мышления писателя, жанровое своеобразие, объективное и субъективное начала в повествовании привлекали и привлекают внимание исследователей: биография и творчество И. Бунина описаны в работах В.И. Афанасьева, А.К. Бабореко, И.В. Карпова, Ю.В. Мальцева, О.И. Михайлова, И.Г. Минераловой и др.

Недостаточно изученной остается польская составляющая творчества И. Бунина, представленная в произведениях разных периодов образами героев-поляков и полек. Актуальность и научная новизна данного исследования состоит в том, что изучение образов поляков позволит заполнить существующую лакуну и расширить представление о художественном методе И. Бунина.

Цель исследования: раскрыть роль образов поляков и полек в творчестве И. Бунина.

Задачи исследования:

1. Найти и проанализировать образы поляков и полек в произведениях И. Бунина разных лет.

2. Отрастить культурно-исторический и автобиографический контекст тех произведений Бунина, в которых встречаются герои-поляки.

В романе «Жизнь Арсеньева» и ряде рассказов И. А. Бунин обобщенно и лаконично запечатлел образ прекрасной польки, собирательный национальный образ поляка и культурно-исторический облик самой Польши.

Выбирая самые значимые штрихи польского характера, автор наделяет своих героев яркими и узнаваемыми национальными чертами. Несмотря на то что польская тема пунктирна в творчестве И. Бунина и представлена разнородными элементами, связанные с ней идеи и образы поляков составляют в произведениях писателя семантическую общность, своего рода его личную, «авторскую», Польшу.

Польша, как и все польское, имеет для И. Бунина особое значение. В бунинском автомифе становится активным мотив дворянского, причем именно польского происхождения рода Буниных. Так как творчество

художника – это всегда сублимированная проекция его собственных желаний и мечтаний, то мотивы и образы произведений тесно связаны с польским компонентом биографии Бунина.

В «Автобиографической заметке» 1915 г. Бунин пишет: «о начале нашем в “Гербовнике дворянских родов” сказано, между прочим, следующее: “Род Буниных происходит от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. из Польши...”» [1, с. 545], хотя есть версия, что Симеон Бунковский выехал «из Литвы (бывшей в то время в унии с Польшей)» [2, с. 4]. Бунин был «дворянин знатного рода, чем гордился чрезвычайно» [3, с. 47], ему «льстила иноземность происхождения» и нравилось, что его жена называла его «на польский манер “Яном”» [4, с. 22]. Много лет соперничавший с Буниным за первенство в литературе А. Ремизов считал Бунина чужаком в русской культуре, сравнивая своего оппонента с «западником» Симеоном Полоцким, который «писал вирши на “невозможном” языке, искажая русской лад, русские ударения» [5, с. 92].

«Предметный мир» Бунина «весьма содержателен» [6, с. 88]: даже второстепенные детали, связанные с польской реальностью, важны, поскольку придают повествованию концептуальный смысл. Так, один из героев романа «Жизнь Арсеньева» жалуется, что его должник «в Варшаву сбежал» [7, с. 63] и теперь его невозможно найти. Бунин вкладывает в воспоминания ребенка этот короткий эпизод, словно подкрепляя исторический стереотип Польши как территории свободы. В рассказе «Генрих» Бунин делает проводником в международном пассажирском вагоне именно поляка: находясь между Россией и Европой, испытывая их культурное, экономическое и политическое влияние на протяжении столетий, Польша служила и барьером, и проводником идей между ними.

Первые страницы романа «Жизнь Арсеньева» пронизаны упоминаниями о польском рыцарском мифе: «как передать те чувства, с которыми я смотрю порой на наш родовой герб? Рыцарские доспехи, латы и шлем со страусовыми перьями. Под ними щит. И на

лазурном поле его, в середине – перстень, эмблема верности и вечности, к которому сходятся сверху и снизу своими остриями три рапиры с крестами-рукоятками». В книжном воображении героя вырастали «замки, зубчатые стены и башни, подъемные мосты, латы, забрала, мечи и самострелы, битвы и турниры. Мечтая о посвящении в рыцари, ... я чувствовал, как у меня мурашки бегут по телу. Думаю, что и я когда-то принадлежал [этому рыцарскому миру]» [7, с. 8, 31]. «Зов бесконечности», связанный с «прапамятью», позволил маленькому Арсеньеву «как нечто давно знакомое, родственное, изначально присутствовавшее в нем» [8, с. 55] воспринимать мир западной культуры. Важно помнить, что представления о европейском рыцарстве у Бунина и, соответственно, у Арсеньева исключительно книжные, что источником их служили рыцарские романы. В целом «вольность дворянства» [7, с. 82], из-за которой Арсеньев-Бунин оставил учебу, близка принципам польской шляхетской свободы.

В 1916 г. появляются рассказы Бунина «Казимир Станиславович» и «Петлистые уши», где представлены стереотипные черты польского характера: гордость и обостренное чувство собственного достоинства. В первом рассказе главный герой Казимир Станиславович воплощает стереотипное представление о типичном поляке: обедневший шляхтич, демонстрирующий аристократическую гордость. Он подает визитную карточку «с дворянской короной» в очень дешевой гостинице с говорящим названием «Версаль». Судьба героя наводит на мысль об исторической аналогии с судьбой целой страны: стремление быть ближе к «латинскому Западу» [9, с. 24] сделало древнюю Польшу политическим и экономическим вассалом Европы.

Имя главного героя рассказа «Казимир Станиславович» отсылает к истории Польши: времена процветания страны связаны с эпохами правления королей Казимира Справедливого, Казимира Великого и Яна II Казимира; имена Станислава Лещинского и Станислава Понятовского напоминают об упадке былой силы.

Однако герой дан писателем в традиционной для русской литературы XIX в. системе координат: поляк-пьяница, завсегдатай столичных ресторанов, мот и кутила, а его крашенные бакенбарды и потертый костюм словно восстают из бунинской металитературной памяти о Грушенькином «полячишке» из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского.

Принадлежность Адама Соколовича (рассказ «Петлистые уши») к шляхетству «не по-

мешала» ему «быть ... шофером» [10, с. 122]. Он словно преодолевает рамки этнической самоидентификации и одновременно воплощает идею польского мессианства, называя себя «сыном человеческим». Соколович не растворяется в культуре простых матросов из разных стран: его изящная удлинённая плоская кисть выдает высокое происхождение, а «склонность к загадочной задумчивости» – романтическое начало. Противоречивость образа подчеркивается его одновременной принадлежностью к высшему сословию и постоянным посещением «всяческих притонов» [10, с. 123], рассуждением о ценностях человечества – и хладнокровным убийством.

Адам Соколович – это своеобразный «ответ» на образ Свидригайлова («Преступление и наказание»): полемизируя с Достоевским, Бунин словно объясняет «тайну общего, заложенного в самой сущности ... человеческой и национальной» [11, с. 185]. Характерно, что оба писателя интересовались своей родословной, оба связывали ее с территориями, входившими в разное время в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Польши, и героев своих оба писателя наделили польскими именами и характерами. В частности, истоки фамилии Свидригайлова исследователи видят в «великом князе литовском Швитригайло (Свидригайло)». Более того, выбирая имя для этого персонажа, Достоевский «мог обратить внимание ... на этимологический состав фамилии Свидригайло: вторая часть этой фамилии – гайл – означает по-немецки (geil) – похотливый, сладострастный» [12, с. 80].

В произведениях Бунина 1940-х гг. появляются герои-бунтари, и, как правило, это поляки. В их уста писатель вкладывает революционные песни и жажду изменить, преобразовать историческую действительность. Интересно отметить, что, лишённые собственного дома, герои реализуют свои идеи на чужбине: Соколович – в Петербурге, сослуживцы Арсеньева-старшего – в Харькове. Так Бунин словно угадал роль поляков «в будущей, еще более страшной, цивилизационной – фазе, приходящей ... вместе с революцией» [11, с. 190].

С середины 1920-х гг. Бунин создает ряд образов красавиц-полек, мечущихся между любовью и ненавистью, жизнью и смертью.

В русской литературе сложилась традиция изображения героини-соблазнительницы либо по образцу пушкинской Шамаханской царицы (восточной красавицы), либо по образцу прекрасной панночки Гоголя, при этом возлюбленная чужестранка всегда несет страдания или смерть герою. Героини польского про-

исхождения в произведениях Бунина, соответствия сложившемуся стереотипу, отличаются от остальных женских персонажей писателя особенной, часто порочной красотой, загадочностью, мятежным духом и гордостью.

Одна из первых польских героинь Бунина Мария Сосновская («Дело корнета Елагина», 1925 г.) продолжает цепочку образов литературных злодеек и соблазнительниц. Следуя русской литературной традиции, Бунин представляет «польскость» в образе Сосновской (фамилия, происхождение, нравы, увлечения и т. д.) как синоним инаковости героини, исключительности: «ее жизнь ... никак не может быть обыкновенной и бесславной» [10, с. 416]. Писатель утрирует не только «редкую красоту» актрисы, но и ее коварство, честолюбие, противоречивость, мятежность духа. Не собираясь «покоряться кому бы то ни было» [там же], Сосновская считает, что «главное – слава, все остальное будет» [10, с. 418]. Автор делает акцент на гипертрофированном артистизме героини: девушка разыгрывает театральные сцены даже на тему смерти, то боясь ее, то словно кокетничая с ней. Подобное поведение, иллюстрирующее актерскую, притворную суть героини, традиционно отождествляют с литературным стереотипом полек, что восходит к пушкинской традиции (Марина Мнишек). Интересно, что в более близком писателю литературном прошлом существует похожая героиня: Бронка (драма «Снег» С. Пшибышевского, 1903 г.) так же чувствительна, подвержена приступам тоски, думает о смерти и в итоге гибнет, увлекая за собой любящего человека.

Возможно, воплотив в образе Сосновской собирательную пародию на роковых женщин начала века (В. Комиссаржевскую, В. Холодную, О. Глебову-Судейкину и т. д.), Бунин не только высмеял притворство и неискренность героини, но и выразил свое отношение к литературно-художественным нравам начала века.

С творческой историей «Темных аллей» связана последняя любовь И. Бунина к Г. Кузнецовой, напомнившей писателю о В. Пашенко, с которой он открыл для себя польских модернистов. В начале 1940-х гг. после драматических событий, связанных с Г. Кузнецовой и М. Степун, в сложных психологических условиях Бунин начинает писать новеллы, которые позже составят сборник «Темные аллеи».

В ряде рассказов сборника «Темные аллеи» присутствуют героини с польскими мотивными штрихами, обладающие неотвратимой привлекательностью для автора и его героев. Галя Ганская, героиня одноименного рассказа 1940 г., изображена Буниным как

девушка-праздник: на протяжении нескольких встреч с героем рассказа она «празднично поглядывает и все расспрашивает о Париже» [7, с. 354]. Однако, по замыслу писателя, природа героини глубже и сложнее, чем кажется на первый взгляд. Бунин раскрывает природу женской страсти, считая ее формой безумия, намерено испытывает героиню проблемой выбора между гордостью и желанием, подвергает душевным страданиям. Бунинский герой резюмирует позицию автора: «вот сумасшедший народ эти проклятые поляки и польки!» [7, с. 358].

Изображая воронежскую аристократку с польской фамилией Станкевич («Натали», 1941 г.), Бунин не позволяет своей героине отступить от принципов польского кодекса чести: увидев ночью в комнате подруги любимого человека, Натали прекращает общение с ним на годы, несмотря на любовь. Когда-то богатая, а теперь обедневшая семья Натали повторяет судьбу многих шляхетских родов: «в доме говорят по-английски, по-французски, а есть нечего» [7, с. 374].

Воплощенная в образе героини рассказа «Генрих» (1940 г.) писательница Макс Ли, настоящая фамилия которой – Ковальская [7, с. 616], играет с судьбой и гибнет от руки оставленного ею возлюбленного. Бунин оставляет читателю возможность самому додумать, почему любовный треугольник, созданный Генрих, стал для нее ловушкой, позволяя себе только небольшие подсказки-намекы. Мятеж в душе Генрих-Ковальской, стремление к роковой встрече с австрийским любовником (неосознанная игра со смертью) и женское коварство придают образу героини черты типичного польского характера.

Симпатии Бунина к полякам наиболее очевидны в романе «Жизнь Арсеньева». Гостеприимство и гастрономическое наслаждение кухмистерской пана Лисовского связаны в памяти Алеши Арсеньева с «красным борщом и беседами на социальные темы» [7, с. 142]. В гостях у пропольски настроенных малороссов Ганского и Шкляревич звучат революционные песни «о вильном казацтви» и даже марсельеза: «До зброи, громада!» [7, с. 145]. Эти близкие бунтарским разговоры и регулярные собрания с пением польской революционной «Варшавянки» («Вихри враждебные веют над нами») кажутся повествователю лживыми и неискренними, выдавая бунинскую «одержимость страстной любовью-ненавистью к России» [4, с. 23].

Интересно, что герои-поляки предстают в произведениях И. Бунина интеллектуалами, представителями культурной жизни, писатель

акцентирует внимание на их более тонкой душевной организации. Например, оба Ганских (из романа «Жизнь Арсеньева», 1927–1933 гг. и из рассказа «Галя Ганская» 1940 г.) причастны к миру искусства: один из них музыкант, второй – художник, оба символизируют «странный, совершенно дотоле неведомый, сладостно и мучительно возвышенный мир» [7, с. 149]. Героиня «Чистого понедельника» читает, наряду с Гофманом и Шницлером польского поэта и прозаика Тетмайера и модерниста Пшибышевского. Генрих – известная писательница, своего рода служитель духовной культуры. Обычно сдержанный, революционер Ганский играет на пианино «с губами уже до черноты спекшимися от той все разгорающейся, напряженной страсти, с которой всегда играл он» [7, с. 149]. Левицкий, герой рассказа «Зойка и Валерия», – продолжатель традиции европейской любовной культуры: он «служит» своей даме сердца, страдая от неразделенной любви.

Таким образом, следуя традиции Гоголя и Достоевского в изображении поляков болезненно гордыми и надменными, фанатичными и одержимыми, Бунин значительно углубляет и усложняет психологию образов, расширяет «духовное пространство» [13, с. 195] своих произведений. Кроме того, польский компонент указывает на историко-литературную составляющую его творчества: некоторые модернистские идеи и фантазии проникали в русскую культуру через польскую. Это подтверждается влиянием на русский символизм метафизических идей польского журнала «Химера», жизнетворческим мифом С. Пшибышевского и т. д. Нелюбовь Бунина к модернистам, в частности символизму, бывшему для писателя, по воспоминаниям современников, «чем-то противным, идиотским, ничтожным» [14, с. 318], возможно, была частично воплощена писателем в образах героев-поляков.

Бунин много путешествовал и хорошо знал жизнь народов разных стран; был свидетелем военных столкновений на Балканах и Ближнем Востоке. Этот опыт сделал его убежденным противником всякой войны. Наследник традиций Л. Толстого, Бунин не понимал истоков и причин польско-русской вражды. В имперском художественном сознании писателя между поляками и русскими нет существенных различий – только очень условное «внутриславянское» разделение. При этом в образах поляков Бунин постоянно подчеркивает тонкую душевную организацию, аристократизм, образованность и культурность, общественную активность и стремление к максимальной самореализации.

Возвращаясь к семантической общности образов поляков в произведениях И. Бунина, подчеркнем, что все компоненты, прямо или косвенно связанные с польской историей и культурой (образы, идеи и т. д.), составляют субъективно-авторское видение Польши. Их можно рассматривать как «польский текст» в творчестве И. Бунина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин, И.А. Собрание сочинений. В 6 т. / редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 6. Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи. – 719 с.
2. Бабореко, А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917) / А. К. Бабореко. – М.: Худ. лит., 1983. – 351 с.
3. Ильинский, И.М. О Бунине: статьи, интервью, выступления / И.М. Ильинский. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – 94 с.
4. Мальцев, Ю.В. Иван Бунин. 1870–1953 / Ю.В. Мальцев. – М.: Посев, 1994. – 432 с.
5. Блищ, Н.Л. О жизнетворческом соперничестве И. Бунина и А. Ремизова / Н.Л. Блищ // Вісник Дніпропетровського університету економіки та права імені Алфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». – 2011. – № 1. – С. 88–93.
6. Гречнев, В.Я. О прозе и поэзии XIX–XX вв. / В.Я. Гречнев. – СПб.: Соларт, 2006. – 320 с.
7. Бунин, И.А. Собрание сочинений: в 6 т. / редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. – М.: Худ. лит., 1988. – Т. 5: Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Рассказы 1932–1952. – 639 с.
8. Колобаева, Л.А. Проза Бунина: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / Л.А. Колобаева. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 88 с.
9. Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки / В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2005. – 232 с.
10. Бунин, И.А. Собрание сочинений: в 6 т. / редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. – М.: Худ. лит., 1988. – Т. 4: Произведения 1914–1931. – 703 с.
11. Колобаева, Л.А. В споре с Достоевским: категории зла, совести, «преступления и наказания» в прозе И. Бунина / Л.А. Колобаева // Иван Бунин и Общество любителей русской словесности / сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева; под ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Вортникова. – М.: Academia, 2006. – С. 182–191.
12. Белов, С.В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: коммент. / С.В. Белов. – М.: Просвещение, 1984. – 240 с.
13. Бонами, Т.М. Свет души человеческой (по рассказам И.А. Бунина) / Т.М. Бонами // Иван Бунин и Общество любителей русской словесности / сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева; под ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Вортникова. – М.: Academia, 2006. – С. 192–205.
14. Берберова, Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Н.Н. Берберова. – М.: Согласие, 1999. – 736 с.

SUMMARY

The article reveals character-sketches of Polish heroes and heroines in Ivan Bunin's works (the novel «Arseniev's Life», the stories «Kazimir Stanislavovich», «Loopy Ears», «Cornet Elagin's Case», «Galya Ganskaya», «Henry», etc.). In Bunin's vision his Polish characters possess national stereotypical features and outlooks; most of his heroes belong to the world of art, they are accentuatedly educated and cultured.

The autobiographical version of the Bunin's Polish origin is reflected in the novel «Arseniev's Life» and «Autobiographical note», 1915. The article outlines the literary tradition of Polish history and culture. The author of the article supposes that Bunin expanded the boundary of the conventional art canon, reflecting Polish characters and image of Poland in Russian Literature.

Поступила в редакцію 03.04.2013 г.

Репозіторій БДПУ